

Следующий день, час дракона.

Матушка Вэй вошла в комнату, чтобы разбудить девушку.

— Барышня, пора вставать.

Линь Ляоляо, протирая заспанные глаза, взглянула в окно. Небо едва начало светлеть, в комнате без светильника почти ничего не было видно.

— Так рано?

— Нянюшка Тао только что передала: сегодня Старая госпожа собирается взять вас с собой.

— С собой? Куда?

— Этого нянюшка Тао не сказала.

Матушка Вэй достала заранее приготовленную с вечера одежду. Погладив пальцами узор из мелких бордовых цветов, она тут же отложила наряд в сторону.

— Цзыжоу, сходи к сундуку, выбери что-нибудь простое.

Линь Ляоляо проследила взглядом за её рукой.

— Мы не наденем это?

— Барышне не нравится?

— Наденем. Матушка Вэй только что велела, чтобы сегодня всё было как можно скромнее.

В итоге на ней оказалось простое белое платье с узором из цветков абрикоса и единственная заколка из самшита. Этот наряд был настолько строгим, что подчёркивал её природную белизну кожи — она казалась почти прозрачной, с едва уловимым синеватым оттенком.

Линь Ляоляо подошла ближе. Раньше она стояла поодаль и не разглядела, а теперь заметила: глаза у Старой госпожи Линь и нянюшки Тао были красными. Особенно у нянюшки — в уголках глаз даже блестели слёзы. Нянюшка Тао ничего не сказала, лишь опустила голову и быстро зашагала прочь из Зала Нинъань. Краем глаза Линь Ляоляо заметила, как та торопливо вытерла лицо рукавом.

Цзыжоу, стоявшая позади, достала из шкатулки заколку, собираясь украсить причёску госпожи, но Линь Ляоляо увернулась.

Линь Ляоляо ещё не до конца проснулась, голова была тяжёлой, поэтому она не стала ни о чём размышлять и послушно оделась так, как велела матушка Вэй.

Старая госпожа Линь обернулась, взяла чашку чая и с улыбкой отпила.

— У девочка Хэ доброе сердце.

Слуга доложил:

— Госпожа, карета подана.

— Мы едем навестить старого друга, — Старая госпожа поставила чашку и положила ладони на ручную грелку. — Ты слаба здоровьем, и изначально я не хотела тебя брать, но вижу, что в последнее время ты окрепла. Подумала, что негоже постоянно сидеть взаперти, прогулка пойдёт тебе на пользу.

Линь Ляоляо вспомнила, как они каждый год ездили на могилу бабушки. Как бы часто они ни ездили, накануне поездки в доме всегда царила одна и та же атмосфера: все молчали, но у каждого на глазах были слёзы.

Прогулка? Какая может быть прогулка, да ещё и в такой день?

Она отодвинула занавеску и выглянула наружу. Обернувшись, она увидела, что Старая госпожа тоже смотрит в окно, но не на улицу, а на то, что происходит снаружи кареты — на прямую спину нянюшки Тао, которая то появлялась, то исчезала из виду.

Линь Ляоляо подошла к зеркалу и посмотрела на своё отражение. В её глазах мелькнуло сомнение.

Она знала, что сейчас не время для рассветов, поэтому тихо села на стул и принялась за лапшу. Движения её были осторожными, она не издала ни звука, пока не доела всё до последней капли. Отложив палочки, она прополоскала рот.

— Бабушка, выпейте чаю, — Линь Ляоляо подняла чайник с жаровни. Это был густой, ароматный Тегуаньинь.

— Не хвали меня, а то если карету тряхнёт, скажешь, что я плохой кучер, — отозвалась нянюшка Тао. — В восьмигранной шкатулке есть закуски, если проголодаешься — перекуси. На сиденье лежит грелка, если станет холодно — возьми.

Придя в Зал Нинъань и увидев, что Старая госпожа и нянюшка Тао обе одеты в глубокий чёрный цвет, она окончательно утвердилась в своей догадке: сегодня они явно собрались кого-то поминать.

— Нянюшка Тао умеет управлять каретой? — удивилась Линь Ляоляо.

Старая госпожа улыбнулась:

— Чему только не научишься, выйдя из дворца. Нянюшка Тао в молодости и на охоте бывала.

Ни возницы, ни других слуг — только Старая госпожа, нянюшка Тао и она сама.

Сказав это, Линь Ляоляо взглянула на шкатулку и выбрала самую скромную заколку из самшита.

Погода в начале зимы была прохладной, но Линь Ляоляо не считала, что ей нужна грелка.

Заметив Линь Цзиньхэ, Старая госпожа сначала замерла, но тут же поманила её к себе с ласковой улыбкой.

— Иди сюда, к бабушке.

— Бабушка.

— Бабушка, а куда мы едем?

Закончив говорить, нянюшка Тао откинула крючок, натянула вожжи и крикнула:

— Но!

Старая госпожа не договорила, но Линь Ляоляо поняла: история с тем, как Линь Сьюань и Лю Хуэй пытались отдать дочь в наложницы, сильно напугала бабушку. На людях они сделали вид, что перевернули страницу, но в душе она так и не успокоилась. Линь Ляоляо догадалась, что теперь, куда бы Старая госпожа ни отправилась — близко или далеко — она всегда будет брать её с собой.

Карета направилась на север, в горы. Проезжая мимо перевала, Линь Ляоляо увидела надпись на камне: Гора Юйцун.

Линь Ляоляо наконец поняла, зачем нянюшка Тао приготовила грелку. На горе температура была совсем другой, нежели внизу. Она поспешно прижала грелку к груди и выдохнула — из рта вырвалось облачко пара.

— Возьми и ты, не хватало ещё, чтобы твои старые кости замёрзли, — Старая госпожа приоткрыла занавеску и протянула ей вторую грелку.

Нянюшка Тао не взяла её:

— Да разве так уж холодно? Хочу сама узнать, насколько здесь холодно.

Старая госпожа опустила веки, и на мгновение в её глазах промелькнуло что-то тёмное и неразгаданное.

Линь Ляоляо не знала, показалось ей или нет, но это была вина.

На горе Юйцун стоял монастырь Юйцун.

Поток паломников был невелик — монастыри такого типа никогда не славились так, как крупные храмы.

Гу Мэнлин.

Линь Ляоляо замерла, глядя на табличку с именем. Должно быть, это и была та самая старая знакомая.

— Иди подожди в келье, не броди где попало, — наставляла Старая госпожа.

— Хорошо, бабушка, я поняла.

Когда Старая госпожа и нянюшка Тао ушли в молельню, к ней подошла молодая послушница.

— Келья готова, прошу за мной, — послушница сложила руки в молитвенном жесте. Её простая тёмная одежда казалась тонкой и грубой, но не могла скрыть её прекрасных черт лица.

Линь Ляоляо почувствовала жалость, но одновременно и восхищение. Она знала, что у неё самой нет призвания к буддизму — даже после того, как бывшая подруга обманула её на деньги и разбила сердце, она не была готова отречься от мира.

После ухода послушницы Линь Ляоляо осталась в келье, скучая и размышляя о табличке, которую видела ранее. Кто такая Гу Мэнлин? Может, возлюбленная нянюшки Тао?

Линь Ляоляо прождала в келье весь день. Только глубокой ночью Старая госпожа вернулась — выглядела она крайне измождённой. Выпив чашку успокоительного чая, она вскоре крепко уснула. В её возрасте такие эмоциональные потрясения опасны. Линь Ляоляо, беспокоясь, взяла её за руку и проверила пульс — убедившись, что всё в порядке, она наконец успокоилась.

В этот момент роскошная карета на полной скорости неслась вверх по склону горы.

Спокойствие монастыря Юйцун этой ночью было нарушено.

— Госпожа, вам нельзя туда входить!

— Почему нельзя? Раз пришли паломники, как можно их не принять?

— Госпожа!

— Позовите настоятельницу! Иначе я сожгу этот ваш монастырь дотла!

В монастыре Юйцун были одни женщины, никто из них не привык к такому напору. Послушница, пытавшаяся преградить путь, перепугалась и бросилась за настоятельницей.

Настоятельница, как и подобает настоятельнице, сохраняла спокойствие.

— Госпожа, это обитель Будды. Не боитесь ли вы навлечь на себя гнев богов такими дерзкими речами?

Пришедшая была одета в бордовый парчовый халат, на груди красовался вышитый белый журавль. Её лицо было подобно лику небожителя, но в глазах светилась пугающая тьма. Она слегка усмехнулась:

— Это я дерзкими речами гневаю Будду, или вы — своим равнодушием к чужой смерти?

С этими словами двое слуг в синем вытолкнули вперёд девушку с мертвенно-бледным лицом и явными следами удушья на шее.

— Настоятельница Цзинкун, взгляните хорошенько. Это ваших рук дело. Если бы вы тогда приняли её, она бы не решилась на такой шаг.

Лицо Цзинкун изменилось, она поспешно бросилась проверять дыхание девушки.

— Она была на волосок от смерти, это я её спасла.

— Амитабу, госпожа Лу... у этой девушки ещё не отсечены земные привязанности...

— Хватит нести чушь! Отвечай прямо: примешь её или нет?

Цзинкун опустила голову.

— Хорошо. Вижу, настоятельница достигла великих высот мудрости. Что ж... тогда позвольте мне, Лу, помочь вам поскорее отправиться в рай.

Она слегка приподняла руку, и двое слуг мгновенно выхватили из-за поясов гибкие мечи.

— Сегодня здесь все свидетели. Не бойтесь, настоятельница, весь ваш монастырь отправится вслед за вами.

— Госпожа Лу, вы множите свои грехи...

— Грехи караются небесами, — женщина в красном усмехнулась. — Идите и пожалуйте на меня Будде.

— Пойдите!

Прежде чем началось кровопролитие, крик прорезал ночную тишину.

Линь Ляоляо, приподняв подол, вбежала в комнату.

— Я... ой!

Она споткнулась и растянулась на полу. Должно быть, платье слишком длинное, иначе она бы точно не упала. Линь Ляоляо, опираясь на руки, поднялась.

Все взгляды устремились на неё, особенно Лу Сянь. Ещё никто не осмеливался крикнуть постойте, когда она собиралась вершить расправу.

Она смерила её взглядом и произнесла тонкими губами:

— Ты кто?

Когда Линь Ляоляо разглядела её лицо, дыхание перехватило — это же та красивая женщина из кареты!

— Красиво? — Лу Сянь достала из рукава складной веер и насмешливо приподняла бровь. — Будешь смотреть — вырву глаза.

Линь Ляоляо вздрогнула. Она вспомнила фразу: чем красивее женщина, тем она опаснее.

— Я... я не на вас смотрела, — Линь Ляоляо сжала пальцы и отвела взгляд. Чтобы глаза остались целы, пришлось соврать. — Я смотрела на неё!

Она указала на женщину, лежащую без сознания.

— Вы уверены, что она не умерла?

Сказав это, она сделала несколько шагов вперёд, но двое слуг преградили ей путь.

Лу Сянь сама уже сомневалась — с того момента, как они пришли, девушка не подавала признаков жизни.

— Цин Юй, проверь.

— Есть!

Цин Юй приложила пальцы к носу девушки.

— Госпожа... дыхания нет.

Линь Ляоляо видела, как на лбу у женщины в красном вздулись вены, а костяшки веера хрустнули в её руке. Она поняла, что если сейчас ничего не сделает, то погибнет.

— Не факт! Дайте мне посмотреть! Я... я лекарь!

Лу Сянь рассмеялась от ярости:

— Лекарь? Хорошо, иди посмотри. Если не вылечишь её, я перебью всех в этом монастыре! И тебя тоже!

Линь Ляоляо, не теряя времени, бросилась к девушке.

Дыхание есть, просто очень слабое.

Она приложила ухо к её груди.

— Она жива! Она не умерла!

Линь Ляоляо расстегнула воротник и пояс девушки, начала делать непрямой массаж сердца, а затем искусственное дыхание. После тридцати с лишним попыток девушка наконец открыла глаза.

— Фух... — Линь Ляоляо, вытирая пот со лба, обессиленно опустилась на пол. — Очнулась... Эй, вы... — она указала на слуг с мечами. — Опустите мечи, если заденете артерию, даже Нефритовый император не поможет.

Слуги взглянули на госпожу, та едва заметно нахмурилась, и мечи были убраны. Две послушницы, которых держали под прицелом, рыдали от страха.

— Госпожа...

— Как ты?

— Будда не принял меня, и яма не приняла...

Лу Сянь снова посмотрела на Цзинкун:

— Спрашиваю в последний раз: примешь её или нет?

— У неё не отсечены земные привязанности, боюсь, с Буддой...

— Примешь!

Линь Ляоляо подскочила с пола:

— Да что такого — принять послушницу?! Это так сложно?! Обязательно было доводить до убийства? Я вам вот что скажу: моя бабушка пьёт успокоительное и спит! Если бы не она, мне было бы плевать, живы вы или нет! Даже если не хочешь принимать, разве нельзя было подождать до завтра, пока мы не уедем?! Ещё называется служительница культа, такая эгоистка!

— А ты! Этот монастырь твой? Ты его строила или вкладывала деньги? Или эта земля принадлежит тебе? Почему такая наглость? Если она не хочет принимать, ты сразу убивать или жечь? Если ты не боишься греха, подумай о своей подруге! Она хочет уйти от мира, чтобы найти покой под защитой Будды, а ты мало того что хочешь сжечь дом Будды, так ещё и убить его учеников! Ты помогаешь или вредишь?!

Выпалив всё это на одном дыхании, Линь Ляоляо сдулась, как проколотый мяч. Она быстро взглянула на красивую женщину в красном и заметила, что жажда убийства в её глазах угасла. Тогда она осмелилась предложить:

— Может... может, найдём компромисс?

Лу Сянь скрестила руки на груди, постукивая веером по плечу:

— Какой компромисс? Говори. Если предложение стоящее, я не стану никого убивать и жечь. А если нет... заберу тебя с собой и буду медленно мучить.

Лицо Линь Ляоляо побелело.

Какое мне дело? Я вообще мимо проходила!

Лу Сянь смотрела на неё с полуулыбкой, её чёрные глаза словно впились в Линь Ляоляо, не давая пошевелиться.

— Раз уж у неё не отсечены привязанности, настоятельница права. Но раз человек готов умереть, лишь бы уйти от мира, отказывать тоже не стоит. Разве нет такого способа — принять в обитель без пострига? Пусть поживёт так, а если потом передумает — выгоните её, и дело с концом. А если захочет посвятить себя Будде — тогда и пострижете.

Лу Сянь подняла взгляд, её холодный взор упал на лицо Цзинкун.

Линь Ляоляо уже присмотрела деревянную палку на полу — если настоятельница снова начнёт упрямиться, она ударит её по лодыжке, чтобы та знала, как не соглашаться!

— Амитабу, хорошо, — Цзинкун сложила руки.

— Благодарю вас, настоятельница, — девушка, бледная как полотно, упала на колени, проливая слёзы.

Линь Ляоляо выдохнула:

— Вот видите... как хорошо. Больше не думай о смерти, а то твоя подруга снова начнёт убивать.

— Хм? — Лу Сянь бросила на неё ледяной взгляд.

— Я ничего не говорила! Я молчу! — Линь Ляоляо поспешно отступила.

— Госпожа, я кланяюсь вам в ноги. Отныне я отрекаюсь от всего мирского.

— Мин Юй, отпусти это. Мёртвых не вернуть.

Лу Сянь перекинулась парой слов с Мин Юй, а когда обернулась, Линь Ляоляо и след простыл.

Ха, пряткая.

Линь Ляоляо вихрем влетела в келью. Кто бы мог подумать, что обычная прогулка от бессонницы обернётся решением такой проблемы? Она погладила себя по груди, восхищаясь собственной смелостью.

— Девочка Хэ, что случилось?

— Бабушка...

Старая госпожа по привычке пила успокоительное, поэтому по ночам часто просыпалась с тяжёлой головой.

— Ничего, просто вставала по нужде. Спите, спите.

Старая госпожа снова погрузилась в сон.

В карете:

— Госпожа, как вы думаете, что это был за способ спасения? Рот в рот, нажатия на грудь, даже одежду растегнула... — Цин Юй покачала головой. — Никогда такого не видела.

— Может, это была магия? — прошептала Цин Ши.

Лу Сянь вертела в руках веер:

— Точно не магия. Вы видели её одежду? Скорее всего, дочка из какого-то знатного дома.

Цин Ши и Цин Юй кивнули, но тут услышали, как веер их госпожи снова постучал по столику:

— И из какого же дома?

<http://bllate.org/book/18628/1793582>